

Слово Донбасса

Олег
Холщевников

ЭХО ОКОПОВ

Олег Георгиевич Холщевников

Эхо окопов

Серия «Слово Донбасса»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74321666
Эхо окопов / Олег Холщевников: Вече; Москва; 2026
ISBN 978-5-4484-5455-4*

Аннотация

Автор книги, которую выдержите в руках, – военный психолог, доктор психологии, ветеран СВО и наш современник. Находясь в зоне активных боевых действий, автор собрал множество историй участников Специальной военной операции. На страницах этой книги вы встретитесь с рассказами тех, кто с оружием в руках сражался за свою страну, кто с риском для жизни оказывал помощь и поддержку бойцам штурмовых отрядов и солдатам тыловых подразделений.

Автор предлагает заглянуть в мир, где за холодной статистикой и удаленными решениями стоят настоящие человеческие судьбы. Вы узнаете, как война меняет людей, раскрывает их истинные лица, заставляет пересматривать жизненные приоритеты. Это повествование о людях, которым небезразлично будущее детей и будущее страны.

Эти люди – настоящие герои нашего Отечества, они гордость нашей армии и гордость нашей родины – России!

Содержание

От автора	7
На изломе веков	10
Купол под щитом казаха	16
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Олег Холщевников

Эхо окопов

© Холщевников О.Г., 2026

© ООО «Издательство «Вече», 2026

* * *

Холщевников Олег Георгиевич – клинический военный психолог. Ветеран боевых действий. Автор методик по психологической реабилитации военнослужащих – участников Специальной военной операции – и многочисленных статей в научных журналах по военной и клинической психологии. Публикуется во фронтовой газете и на сайте Z-поэзия Союза писателей России.

* * *

От автора

Книга «Эхо окопов» – первая в серии «Осколки фронтовой памяти». Этими рассказами я пытаюсь сохранить голоса современников – участников специальной военной операции.

В мире, где человеческая жизнь порой превращается в сухую статистику, особенно важно помнить о тех, кто находится на передовой – в прямом и переносном смысле. За каждым участником стоит уникальная история, которая заслуживает того, чтобы её слышали.

Мой опыт военного психолога позволил мне стать свидетелем, исследователем и соучастником этих судеб. Я общался с теми, кто открывал мне свои души, делился страхами, надеждами, мечтами.

Наши беседы часто проходили под гул артиллерии и звуки вражеских беспилотников, в окопах под открытым небом, где каждая минута могла стать последней. Но даже среди смерти и разрушения я встречал невероятную силу духа и стойкость, заставляющие верить в человека.

Воспоминания и размышления бойцов, военных психологов, медиков, волонтеров, журналистов, военных корреспондентов, музыкантов, художников, собранные здесь, – не просто отчёты о событиях. Это целые миры, в которых они жили и живут. Через призму психологии и живое слово я стре-

мился показать судьбы тех, кто вершит историю в настоящее время.

Я верю, что понимание психологии человека, находящегося на фронте, может помочь не только непосредственным участникам, но и всем нам. Мы осознаём, что мир и война идут рука об руку, и каждый, даже далёкий от фронта человек несёт на себе бремя этой борьбы. Каждый способен стать опорой для другого.

Каждая история, описанная в книге, – шаг к пониманию пути, который прошла наша страна и каждый, кто её защищал.

Волею судьбы мне довелось побывать на разных участках фронта специальной военной операции.

В моменты нахождения на фронте мне посчастливилось записать огромное количество бесценных историй, и я готов ими поделиться.

Этой книгой я приглашаю вас в путь, который, надеюсь, заставит задуматься о том, что значит быть человеком в самые трудные времена, как важно поддерживать друг друга и находить свет даже в самых тёмных уголках бытия.

Как военный психолог и участник событий, происходивших на СВО, я постараюсь описать и объяснить логику поступков и выбор людей в критических ситуациях.

Книга является художественным произведением. И как принято сейчас писать – все совпадения по направлениям, именам, фамилиям, позывным, проведенным операциям –

случайны. Однако многие бойцы и все, кто помогал фронту, узнают в героях себя: их подвиги останутся в истории, а память о них – в сердцах тех, ради кого они сражались.

Всё, что написано в книге, – история нашего времени, которое мы не выбирали.

Время выбрало нас...

С уважением,

Олег Холицевников

На изломе веков

Июнь 2025 года. Из письма бойца домой:

«Дорогая мама, уже четвертый год продолжается специальная военная операция. Наши войска идут в наступление. Появилась надежда на то, что скоро мы сломим врага и выполним все поставленные задачи. Как ты? Я надеюсь, ждешь моего возвращения. Мы с тобой говорили о том, как важна семья, дети, чтобы все были живы, здоровы. Наши разговоры не были напрасными. Я сражаюсь за нас, за нашу будущую жизнь, за тот мир, который мы так долго ждали. Мама – специальная военная операция обязательно закончится, и я вернусь домой с победой!»

Сорок один год до начала специальной военной операции

3 августа 1980 года. Москва. Воздух над Москвой был напоен счастьем и ожиданием перемен. Я, одиннадцатилетний мальчишка, не отрывал взгляда от округлого экрана телевизора, где транслировали церемонию закрытия Олимпиады-80. Черно-белая картина в моем восприятии переливалась яркими красками, а из динамика лились аплодисменты и гимны победителей. В них были все мои надежды на буду-

щее, такое близкое и безоблачное.

Вокруг суетились мои друзья: Юрка, Петька и девчонка Рита из второго подъезда. Мы радовались, обсуждали успехи советских спортсменов. Наши глаза горели, когда на пьедестал поднимались борцы, гимнастки, легкоатлеты – те, кто своим трудом добыл славу для страны.

После трансляции мы высыпали в наш маленький дворик. Уютная пятиэтажка, шесть подъездов и наш штаб – за единственным во дворе гаражом. Именно там, в укрытии от взрослых, мы строили планы.

– А что, если мы тоже станем частью этого? – спросила Рита. – Совершим что-то значительное.

Ее идея зажгла искру в наших сердцах.

– Почему бы нам не отправиться на поиски чего-то уникального? – предложил я.

– Станем героями, как эти олимпийцы.

В глазах друзей вспыхнуло несмелое, но яркое желание – быть не наблюдателями, а участниками большой истории нашей страны.

На следующее утро, собрав друзей у гаража, я изложил свой план.

– Послушайте, а если мы поедem в Калужскую область? Там были сильные бои в 41–45. Много всего можно найти на полях и в лесах! Это не просто охота за сокровищами, это – изучение нашей памяти и истории!

Петька, всегда откликавшийся первым, воскликнул:

«Звучит как настоящее приключение! Мы сможем понять, как солдаты воевали!»

Рита, наш голос разума, нахмурилась: «Но мы должны быть осторожны. Это могут быть опасные предметы. Да и милиция нас не поймет, если что».

– Да ладно, Ритка! – перебил Юрка, самый старший и азартный.

– Мы же не ищем ничего запретного. Может, найдем флажки, кружки... Настоящую историю!

Решение было принято. Подготовка стала частью приключения. Вечером мы разложили у гаража свои реквизиты. Я тайком от родителей набил рюкзак крепкими ботинками, папиной курткой, бутербродами и водой. Юрка притащил старую, но надежную лопату и кирку. Рита, склонившись над картами, обведенными красным карандашом, изучала места возможных находок – те самые, о которых мы мечтали.

Мы чувствовали себя настоящими исследователями, готовыми рискнуть ради прикосновения к прошлому.

С первыми лучами солнца мы уже стояли у автобусной остановки. Дорога в Калужскую область казалась бесконечной. Городская суэта сменилась тишиной деревенских пейзажей. В наших головах рождались образы касок, проржавевших винтовок, солдатских писем – осколков жизни, застывших во времени.

Мы вышли у леса и углубились в него, сверяясь с картой.

И вот первая находка — я поднял из-под травы ржавую, пробитую временем гильзу.

— Снаряд! — закричал я.

— Это гильза от пулемета! С войны! — радостно произнес Петька.

Волнение захлестнуло нас. Рита, пройдя чуть дальше, нашла фрагмент автоматического оружия. Каждый новый осколок металла был для нас не просто железкой, а частицей чужой, оборвавшейся жизни.

Но беззаботная игра быстро закончилась. Мы забрели в глухую чащу, где ориентиры потерялись. Внезапно Юрка указал на странный округлый предмет, наполовину врывшийся в землю. Мы замерли. Перед нами лежал ржавый снаряд. Древний и грозный.

У нас внутри все похолодело от осознания опасности.

— Это же снаряд... — прошептал Петька.

— Нам нужно уйти отсюда! — крикнула Рита, ее голос дрожал от страха.

Мы осторожно отступили, понимая, что наша затея была не только романтической, но и смертельно опасной. Война, даже отгремевшая десятилетия назад, все еще таила в себе смерть.

И тут, будто в награду за пережитый ужас, Рита заметила в ложбинке слабый блеск. Мы аккуратно разгребли землю. Это была медаль. Потрескавшаяся эмаль, истлевшая лента, но сам металл, казалось, излучал немой свет мужества и си-

лы. Мы замерли, глядя на нее. В тот миг мы по-настоящему прикоснулись к истории – не через романтическую дымку, а через суровую реальность подвига.

Возвращались мы затемно, уставшие, перепачканные землей, но окрыленные. Однако на опушке нас ждало новое испытание – на горизонте замаячили автомобили с мигалками. Рейд милиции.

– Прятаться! – прошипел Петька.

Мы кинулись к старому, полуразрушенному блиндажу, что виднелся неподалеку, и нырнули в его темную, пахнущую сыростью и временем утробу.

Сидя в темноте, прислушиваясь к удаляющимся шагам, мы поняли, что наше детство закончилось. Мы столкнулись с реальными опасностями и реальной ответственностью.

Сорок лет спустя я храню те находки как самые ценные реликвии. Медаль, найденная Ритой, мы передали в музей. Тогда, в далеком 80-м, мы, одиннадцатилетние мальчишки и девчонки, были абсолютно уверены: «Великая Отечественная война давно закончилась, и на нашем веку уж точно не будет места для подвига». Мы искренне сожалели об этом, не понимая сути.

Мы радовались миру, который казался нам нерушимым, настоящим и бескрайним, и были точно уверены, что военных действий больше никогда не будет.

Однако время распорядилось иначе.

Шел февраль 2022 года...

Купол под щитом казаха

Жара. Горький Привкус бессилия. Утро стальных «Слонов». Прорыв. Сталь и пламя. Цена спасения и кипящий Двигатель. Икона. Память и Воинский закон.

В июле 2025 года я находился в служебной командировке в 98-й дивизии ВДВ на Донбассе. Как-то вечером боец с позывным «Шпак» познакомил меня с удивительным десантником, гвардии лейтенантом, имеющим позывной «Казах». Мы разговорились о жизни, о специальной военной операции, о наших десантниках и их подвигах, о легендарной 98-й дивизии ВДВ.

В процессе разговора Казах поведал несколько интересных историй о проведенных десантниками 98-й дивизии ВДВ локальных операциях, в том числе истории по эвакуации бойцов, которые в результате резкого наката ВСУ попали в окружении врага, но не сдавались.

Рассказ бойца с позывным «Казах»

Воздух. Он был не просто горячим, он был вязким, обжигающим, как расплавленный асфальт. Каждый вдох обжигал гортань, пыль скрипела на зубах. +42 °С в тени, которой не

было. Солнце, белое и беспощадное, плавило небо, выжигало траву дотла, превращая землю Херсонщины в растрескавшуюся пустыню.

Меня зовут Руслан, мой позывной «Казах». Такой позывной мне дали по самой что ни на есть простой причине – я казах по национальности и других таких в нашей родной 98-й дивизии ВДВ больше нет. Точнее, если честно, – я сам себе дал такой позывной.

Но давай расскажу все по порядку.

Раннее утро, 29 августа 2022 года.

Я прикрыл глаза и прильнул к раскаленной броне БМД-2, втиснутой в жалкую полосу тени от чахлой посадки вдоль дороги. Капли пота, соленые и едкие, заливали глаза, стекали по вискам, смешиваясь с пылью в грязные ручейки. Перед нами, как мираж, колыхался в мареве населенный пункт Ольгино. Не село – ловушка. Капкан из глинобитных стен и шиферных крыш, который кишит солдатами ВСУ.

«Комбат, из соседнего батальона. Шесть бойцов. Подвал КП. Окружение. Пятьдесят метров до врага». Слова из доклада штаба гвоздями засели в мозгу.

Ситуация. Комбат одного из соседних батальонов ВДВ с шестью бойцами попал в окружение, в результате прорыва «укропов» в село Ольгино. ВСУ резко зашли в село на технике с пехотой и закрепились на территории этого населенного пункта.

В центре Ольгино был наш небольшой КП (командный пункт) на одной из главных улиц. Наблюдателей и охраны у наших было мало, поэтому комбат с шестью бойцами и оказались в окружении. Откатываться было поздно, потому что ВСУ быстро захватили весь населенный пункт. По селу передвигалась пехота. Укропы занимали дома, делая из них укрепления. По улицам населенного пункта катались танки.

«Укропы» установили, что в доме, где был наш КП, находятся российские бойцы, и начали нещадный обстрел. Враги находились от КП на расстоянии не более 50–60 метров. Все простреливалось. Выйти из КП возможности не было.

Я представил наших там: теснота, духота подвала, скрежет пуль о стены над головой, хриплые крики «укропов»: «Сдавайтесь! Всех перестреляем! Сдадитесь – жить будете»!

И Комбат. Я слышал о нем. Сбитое сильное тело, жесткий взгляд и нестигаемая воля. Он не сдастся. Человек сильной закалки. Но! Сколько можно продержаться под градом свинца и гранат? Связь есть – тонкая ниточка надежды. И эта ниточка – мы. Взвод разведчиков ВДВ. Элита дивизии.

– *Казах, решение принято. Вытаскиваем. Нашими силами.* Голос нашего командира в рации был как удар наковальни – тяжелый и окончательный. Гордость вспыхнула в моем теле жарче солнца. Мы – ВДВ. Мы – разведка. Родная 98-я! Своих не бросаем. Это закон, выжженный в душе кровью и потом.

Я окинул взглядом своих. На броне первой БМД – Князь

(механик-водитель), Конон (наводчик), Ветер (пехотинец) – мой друг. Лица скрыты балаклавой, но тела напряжены, как тетива. Рядом, в тени, «Графит» – старший пешей группы, проверял магазин, движения точные, выверенные. Его взгляд, когда он поднял голову, был холодным и острым, как лезвие. В моей машине – Вулкан – Саня, мой наводчик и мой друг, парни с позывными «Урал» и «Метис». Вулкан вытирал ветошью прицел, его молодое, обычно озорное лицо сейчас было сосредоточенным, почти суровым. Всего десять парней. Десять пехотинцев-разведчиков. Десять жизней против гарнизона укрепов в Ольгино и танков Т-80, чей зловеющий гул то нарастал, то стихал где-то в глубине населенного пункта, заставляя сжиматься сердце.

День первый, 29 августа 2022 года.

В первой половине дня мы подъехали к селу Ольгино с южной стороны, на расстояние 500 метров прикрываясь посадкой. Мы экипажами в составе двух БМД-2 начали прострел по оккупированной противником улице. Потом совершили мгновенный въезд в населенный пункт, после чего пехота «спешилась», что на гражданском языке означает – пехота совершила выход из боевых машин.

Машины замаскировали тем, что попало под руки (шифер, доски, ветки и т. д.).

Голос Графита прозвучал хрипло, пересохшее горло сопротивлялось:

– Веду группу пешком. До КП – километр. Поле, потом лесок.

Я видел, как он напряг челюсть, кивнул мне.

«*Будь осторожен, брат*», – пронеслось в голове.

– Если засекут... – я сделал паузу, глядя ему в глаза, – ...выручим техникой. Но тихо. Надежда на скрытность». *Надежда – хрупкое слово в этом пекле.*

Графит махнул рукой. Десять фигур в камуфляже отделились от машин и растворились в колеблющемся мареве разрушенных домов, сливаясь с выжженной травой, с тенями редких кустов. Они двигались не спеша, пригнувшись, короткими перебежками, замирая после каждого рывка. Я следил за ними, пока они не скрылись в полосе редкого леса на краю деревни. Каждый метр их пути отдавался напряжением в моих собственных мышцах. Заметят ли их? Проскочит ли группа?

Тишина. Давящая. Прерываемая только назойливым стрекотом кузнечиков и далеким, нервирующим гулом танковых двигателей. Где-то совсем близко скрипнула гусеница танка. Я вжался в броню, рука непроизвольно сжала рукоятку люка.

– *Вулкан* – прошипел я.

– В башню! Готовься! Увидишь танк – бей первым! Без команды!

– Есть! – отозвался Саня, мгновенно скрывшись в башне. Его лицо было бледным, но решительным.

– Князь! ПТУР наготове! Выстрелил – немедленный откат в посадку!

– Принято! – донеслось из рации второй машины. Адреналин ударил в кровь, заставив сердце колотиться как бешеное. Я представил дуло танка, медленно поворачивающееся в нашу сторону, ослепительную вспышку выстрела... Сейчас... Сейчас будет жарко...

Но гул начал удаляться, скрип гусениц затих. Слепые стальные чудовища прошли мимо. Выдох, горячий и прерывистый, вырвался из груди. На спине рубаха прилипла к коже, пот страха смешался с потом жары, превратившись в клей. Минуты тянулись как часы. Рация молчала. Солнце палило нещадно. Даже металл брони казался раскаленным и расплавленным. Я ловил каждый шорох, каждый отдаленный звук из села. Вдруг – хриплый шепот Графита в наушниках:

– Казах, я у грейдера. Восемьсот до КП. Тишина. Не замечены. Выхожу на связь с Комбатом». – Надежда, острая и сладкая, кольнула под сердце. – Давай!.

Пауза. Казалось, весь мир замер. Потом голос Комбата – глухой, усталый, но не сломленный:

– Слышу, Графит.

– Выходите! Быстро! Пока тихо! – настойчиво передал Графит. Еще пауза, более долгая. Нестерпимо долгая.

– Не можем, – сказал Комбат. Словно окатил ледяной водой.

– Трехсотый. Тяжелый. Не донесем. Нас тут сразу накроют. Дома вокруг – в них стрельницы. Полностью подходы контролируют. Даже мышью не проскочишь. Как будто из динамика донесся отдаленный, но отчетливый звук автоматной очереди, потом глухой бум гранаты. Работают по ним... По нашим...

– Подходим ближе! – решительно сказал Графит.

Я представил, как они ползут по пыльной земле, вжимаясь в каждую складку рельефа, чувствуя каждую кочку. Еще более долгая пауза.

– Шестьсот метров. Вижу дом. Выходите, Комбат! Сейчас или никогда! – голос Графита срывался на крик, в нем слышалось отчаяние. Ответ Комбата был как удар обухом: – Не выйдем. Дайте коробочки (что означает бронемашины). Без брони – смерть. Броня... Наши машины...

Рядом был слышен гуд танка!

– Не можем! – почти закричал Графит в рацию, забыв о скрытности.

– Там танк! Он нас сожрет как консервы!

Тишина. Абсолютная. Мертвая. И в ней гул танков. Потом голос Комбата, спокойный и страшный в своей обреченности: – Тогда не выйдем. Будем отстреливаться. Патронов хватит. До последнего. Графит, вы слышали? Не теряйте людей зря. Отходите.

Отойти? Бросить их?! Ярость и бессилие сжали горло. Графит видел перед глазами Комбата – представлял его

сильный, упрямый взгляд, его веру в нас. И приказ нашего командира – спасти бойцов.

Графит вышел по рации на связь:

– Мы отходим. Немедленно. Не бросаем. Вернемся. С корбочками.

Связь прервалась. Я с силой ударил кулаком по броне. Проклятие! Мы не смогли вытянуть Комбата.

Через двадцать минут разведчики вернулись. Пыльные, изможденные, лица серые от напряжения и жары. На улице было +44 °С, в тени. Графит молча подошел, его глаза горели немым вопросом и упреком. Я молча протянул ему свою флягу. Он жадно глотнул, вода стекала по его подбородку, смешиваясь с грязью. Остальные бойцы тяжело опустились на землю, срывая каски, вытирая лица. Никто не разговаривал. Тишину нарушало только тяжелое дыхание. Горечь поражения была гуще пыли на губах. Мы не смогли...

И вдруг – знакомый, леденящий душу звук. Не просто гул – скрежет, лязг гусениц по камням. Близко. Очень близко. И не с одной стороны!

– Танки! – зашипел Князь. – С двух сторон!

Адреналин вновь впрыснулся в кровь.

– Вулкан! В башню! Видишь – бей! Без предупреждения! – заорал я, вскакивая.

– Есть! – Саня исчез в люке, лицо у него было искажено боевой яростью.

– Пешком! Бегом в кусты! На броне не удержитесь! Мы

будем выезжать на всех парах. – Они сорвались с места, метнулись в густые заросли у дороги.

– Князь! ПТУР! Целься! Выстрелил – немедленно откат в глубь посадки!

– Целюсь! – ответ был резким. Сердце колотилось так, что казалось, вырвется из груди. Я прильнул к смотровому прибору. Где они? Земля дрожала под ногами. Скрип гусениц нарастал, заполняя все пространство. Я представил башню, медленно поворачивающуюся, дуло, ищущее цель... Нас... Запах солярки ударил в нос. Сейчас...

Но скрежет начал меняться тональностью, гул двигателей – удаляться. Слепые, железные машины, не заметив нас, разминулись и пошли дальше по своим делам. Выдох. Ноги слегка подкосились. Сердце стучало с огромной частотой.

– Заводим! – скомандовал я. – Отходим! Быстро!

Двигатели взревели. Две наши БМД вырвались из укрытия и помчались прочь из Ольгино, вдоль железной дороги, поднимая тучи пыли. В посадке, за населенным пунктом мелькали фигуры наших пехотинцев – десантников. Мы их подобрали и продолжили путь к своим, в посадку за железной дорогой.

Вечер спускался на выжженную землю, но прохлады не приносил, только сгущал мрак и чувство горького разочарования. Комбат... Ребята... Держитесь. Мы вернемся. Мы обязаны. Закон «Своих не бросаем» горел в груди неугасимым углем. Поражение сегодня – не конец. Завтра будет но-

вый день. И мы придем. С коробочками.

Вечер с 29 на 30 августа 2022 года.

Вечер спустился на Ново-Петровку, но прохлады не принес – воздух оставался густым и обжигающим, словно пепел после пожара. В штабной землянке нашего КП пахло сыростью, махоркой и порохом. Я сидел над картой Ольгино, освещённой тусклым светом керосиновой лампы. Линии обороны противника, обозначенные красным карандашом, казались паутиной, опутавшей деревню. *Всего 50 метров отделяют Комбата от смерти... а мы сегодня отступили*», – мысль глодала меня, как ржавое железо. За дверью слышались приглушённые голоса бойцов. Графит чистил автомат, Вулкан проверял снаряды к тридцатке. Их лица были серыми от усталости, но глаза горели – отступить нельзя, наших ребят нужно вытаскивать...

На КП в Ново-Петровке, я предложил командиру сделать зеленый коридор. Попросил: «Дайте нам танки, пусть они отработают, сделают прострелы по этой улице. Тогда мы под прикрытием заедем туда и проведем эвакуацию Комбата и бойцов, находящихся в Ольгино». В поселке Высокополье, 1,5 км восточнее от Ольгино, работала наша Уссурийская бригада ВДВ. У них есть нужные нам танки.

После недолгих переговоров с соседями и штабом нам пообещали дать два «слона» – два танка, в помощь для дальнейшего проведения операции. Танки должны обеспечить

прострел улицы, где в подвале частного дома находится в окружении противника Комбат с бойцами. А мы проведем после этого их эвакуацию под прикрытием танков.

Поздно вечером мои бойцы направились в сторону Высокополья, по посадке прокачивать связь. Но пока мы ждали танки, нашей группе навстречу внезапно со стороны Высокополья пошла пехота противника.

Внезапно ко мне подбежали мои бойцы – разведчики, обливаясь потом, выпалили:

– *Хохлы! Со стороны Высокополья! Пехота с дроном – корректировщиком! Дрон над нами!*

Адреналин ударил в кровь. Я рванул под дерево. Над деревьями в сумеречном небе висел злобещий жужжащий силуэт – «птица» противника. Из темноты доносились щелчки затворов и приглушённая украинская речь. *«Странно... Как они просочились? Или это диверсия, направленная на то, чтобы сорвать завтрашний итурм»?* – мелькнуло у меня в голове.

– Вулкан! В башню! Остальные – по кустам, огонь только по моей команде! – Мой голос прозвучал хрипло, но чётко. БМД рычала, разворачивая орудие. Первые вспышки выстрелов ослепили: тридцатка била шрапнелью по кустарнику, где копошились тени. Земля вздымалась фонтанами, загоралась сухая трава. Графит, прижавшись к колесу, кричал в рацию:

– *Шторма, вы где?! Нас жмут!*

В ответ – шипение помех.

– Огонь! – Мой рёв потонул в грохоте автоматов. Бойцы из группы Князя били короткими очередями по врагу. Конон, высунувшись из люка второй БМД, бросил гранату – взрыв отшвырнул троих атакующих. Но враг не отступал. Вокруг все горит. Дым.

– Саня, откат! Все на броню! – скомандовал я, видя, как слева заходят новые силы. БМД дали задний ход, подбирая пехоту. Последним запрыгнул Графит, держась за окровавленное плечо. Легко царапнуло.

Мы пересекаем грейдер, после чего мчимся в Ново-Петровку, туда, где у нас КП.

В моей голове только одна мысль: *«Ребят с КП в Ольгино нужно было обязательно забрать. Я чисто по-человечески не могу позволить их там оставить погибать. Я не могу их бросить – своих не бросаем!»*

В Ново-Петровке, в дыму генератора, наш командир выслушал доклад. Его лицо, освещённое пламенем печки-буржуйки выражало решительность: – Танки дам. Два Т-80 из Уссурийской бригады. Но приказывать им не могу Поддержка будет, но... как получится.

Я говорю: «Хорошо, значит с утра начинаем».

«Слоны», как стальные исполины, способные смести улицу в селе Ольгино, – оказались не гарантией, а надеждой.

В 03: 00, когда стихли последние выстрелы у Высокополья, меня позвал командир в блиндаж. На карте появились

синие стрелки:

«Шторма» (40 штурмовиков) – занять южную окраину Ольгино к 05: 00. Задача: сигнализировать, когда вражеские танки уйдут на перезарядку.

«Слоны» – ударить по улице, ведущей к КП, создав огненный, так называемый «Зеленый коридор».

Две БМД – ворваться под прикрытием танков, забрать Комбата с бойцами и откатиться. На все 20 минут.

– А если «птица» снова наведёт миномёты? – спросил кто-то из бойцов.

– Значит, будем гореть вместе с техникой. Но, «Своих не бросаем» – это не лозунг. Это клятва, – ответил командир.

В 04: 30 я вышел на связь с Комбатом. Голос комбата в динамике был прерывистым, но твёрдым:

– Ждём, Казах. Только с «коробочками». Пешком не выйдем – раненых не донесём...

Утро 30 августа 2022 года.

К 05: 00 утра первые лучи солнца высветили силуэты двух БМД, стоявших возле посадки. Урчание их двигателей сливался с пением птиц. Я прикоснулся к холодной броне своей машины:

– Ну, братцы... Пора разжигать ураган.

На востоке, над Ольгино, занимался кроваво-красный рассвет. У меня вертелось в голове: «Военная операция – не подвиг. Это грязная работа. Но ради своих – мы и преиспод-

нюю пройдем».

Окраина Ольгино. Посадка. Холодок предрассветный? Какое там. Воздух уже густой, тяжелый, жаркий как ватная пыльная подушка на лице. Спина мокрая от пота, хоть выжимай, а солнце еще только краешком показалось. На термометре привычное за 40 градусов. Мы – две БМД, затаившиеся в чахлах кустах вдоль железки. Сердце колотится – не от страха, нет. От ожидания. От той чертовой тишины перед взрывом. *«Где же они? Где наши слоны?»* – мысль сверлит навязчиво, как шмель. – Без них – самоубийство. С ними – шанс. Худой, кривой, но шанс.

Вулкан рядом, в башне, щурится в прицел. Молчит. Знаю, что у него там, в голове: про минометы, про ту проклятую «птицу», что вчера чуть не уложила нас в овраге. Саня – парень надежный, пушкарь от Бога.

«А вдруг не успеем? А вдруг Комбат уже...» – гнал я от себя эту мысль. Нельзя. Нельзя даже думать. Держался за одно: *«Своих не бросаем. Никогда.»*

– Где же наши «слоны»?

И вот – услышал. Сначала глухой гул, едва различимый. Потом – нарастающий рев. Земля заходила ходуном под ногами. Из-за поворота, раздирая утреннюю дымку, выползли они. Два танка Уссурийской бригады ВДВ. Стальные мамонты. Наши «слоны». Сердце екнуло – то ли от облегчения, то ли от новой волны адреналина. *Ну, братицы, давайте... Покажите класс!*

Танки не стали церемониться. Развернулись на позиции – и начался настоящий АД. Грохот их пушек оглушил мир. Казалось, само небо трещит. Снаряды рвали южную сторону Ольгино, ту самую улицу, где находился Комбат. Я видел вспышки разрывов, как гигантские огненные грибы, вздымающиеся над саманными крышами. Дома складывались, как карточные домики. Пыль, дым, летящие обломки.

– *Так, родные! Так! Бей их!* – кричал я, сидя внутри БМД.

Они били. Точно. Жестко. Профессионально. Зеленый коридор прокладывался огнем и сталью. Спасибо, братцы – танкисты! Отдельное, кровное спасибо! Подошла еще одна БМД-4 поддержать. Добавила огоньку. Надежда, горячая и колючая, зажглась внутри. «*Сейчас... Сейчас рванем...*»

И тут – знакомое, ненавистное жужжание. Сверху. Как шмель-убийца. «Птица». Дрон-корректировщик. Завис, сволочь, прямо над нами. «*Все, сейчас начнется...*» – мысль мелькнула ледяной иглой.

И началось. Свист. Пронзительный, леденящий душу.

– Миномет! В овраг! Все вниз! – заорал я, выскакивая из люка. Мы кинулись в неглубокий овраг рядом с насыпью. Мина! Разрыв! Оглушительный удар! Земля вздыбилась фонтаном в десяти метрах! Осколки со свистом секли воздух, щелкали по броне машин, впивались в насыпь над нашими головами. Пыль, гарь, запах серы. Еще свист! Еще разрыв! Ближе! Семь метров?

– Пять? *Птица* висит! Она на нас наводит! – крикнул

кто-то.

Голос Князя из рации:

– Конон! Видишь эту тварь? Сбить не можешь?

– Выше, чем кажется! Не достану! – отозвался наводчик второй машины.

«Ужас. Чистый ужас. Каждый новый свист – это игра в русскую рулетку. *Следующая – в нас? В мотор? В башню?»*

Я прижался к холодной земле, чувствуя, как по спине бегут мурашки, смешиваясь с потом. Видел лица своих парней – Вулкан в башне пригнулся, но не ушел, ждал команды. Остальные вжались в глиняные стенки оврага, глаза широкие, пальцы белые на стволах.

Следующий разрыв – сразу в машины! Откат через посадку! Не по дороге! – заревел я, перекрывая грохот.

Глаза Вулкана встретились с моими. Кивнул. Коротко. Понял.

Рык двигателя. Скрип гусениц. Мы рванули как ошпаренные. Мина прилетела нам вслед, пытаюсь предугадать путь – взрыв поднял фонтан грязи в метре от кормы. Но мы уже нырнули в спасительную чащу лесополосы.

Выдох. Глубокий, дрожащий. Выжили. Еще один шанс.

06:00 часов утра. Рация ожила. Голос командира «Штормов», хриплый, но четкий: «Казах! Танки ихние уползли на заправку! Даю пятнадцать минут, не больше! Улица еще тлеет, но пехота очухается быстро! Жду твой ход!»

Пятнадцать минут. На всю жизнь. Сердце сжалось в комок. *Пора. Сейчас или никогда. Мы сделаем это!*

– Графит, будь на связи. Едем двумя БМД. Пехота врага – слева по улице. Наш КП – справа. Как только я услышу первую пулю по броне – стоп. Твои пацаны спешиваются и прикрывают выход первой машины к «Комбату». Мы идем дальше, берем огонь на себя.

– Понял, Казах. Удачи.

Легкий ЗИП на левый борт – хоть какая-то иллюзия защиты. Люк десантного отделения открыт настежь. Заглянул внутрь – пятеро моих разведчиков. Лица – маски из пыли и напряжения, но глаза! Глаза горели холодным огнем решимости. Знакомый боец, поймал мой взгляд, кивнул: *«Готовы, командир»*. Я кивнул в ответ.

12:00 часов.

Поступила команда: *«Вперед!»*

Двигатели взревели так, что, казалось, сорвут голосовые связки. Первой рванула БМД Князя, на второй я, – буквально на полкорпуса сзади. Мы выскочили из посадки на пыльную, изрытую воронками улицу села Ольгино. Две стальные саранчи, несущиеся навстречу смертельному шоу.

И сразу же – знакомый, ненавистный стук: *«тук-ту-тук!»*. Пули, как град, забарабанили по левому борту, по ЗИПам. *«Слава Богу, броня держит... Пока...* Думаю, в эти доли секунды. – *«Главное, чтобы броню не пробили. Даже если*

прострелят ногу или руку не страшно, я по любому выведу и вывезу так как я везу своих ребят и не могу их подвести».

Стоп! Пехота – высадилась! Огонь на подавление! – рявкнул я в переговорку.

Машина встала как вкопанная. Десант вывалился наружу в облаке пыли и мгновенно открыл шквал по окнам, черным зевавшим глазницам домов слева. Автоматы, пулемет – грохот стоял невообразимый.

Первая БМД (Князь и Конон) даже не сбавила хода – рванула вправо, к тому самому дому, где ждал Комбат.

– Молодцы! Не останавливаться!

А я дал газу. Рванул ВПЕРЕД, по улице. Мимо того самого двухсотого «укропа», что уже несколько дней лежал на дороге, страшный и неубранный. *Проскочили.* Цель – два белых саманных дома в конце улицы с левой стороны.

Разведка «Шторма» была в колокола: там – гнездо, скопление пехоты, огневая точка. *На себя. Весь огонь на себя.*

– Вулкан! Видишь белые дома? В конце улицы! – крикнул я, вжимаясь в сиденье, машину мотало на ухабах.

– Вижу! – голос Сани был спокоен, как у хирурга перед операцией.

– Работай по ним! Осколочными! Зажигательными! Не жалей!.

– «Есть!».

Башня завертелась. Выстрел! Резкий пинок по машине. Еще! Еще! Вулкан работал как автомат. Я видел, как снаря-

ды впивались в глиняные стены. Вспышки огня. Клубы черного дыма. Один дом загорелся ярким факелом. Потом начал оседать, складываться, как подкошенный. Потом второй. Глиняные стены не выдерживали.

– Так! Так, Саня! Жги их! Жги, сволочей! – орал я, чувствуя дикую, первобытную ярость. Каждый выстрел – это шанс для Комбата и бойцов.

Дома горели и рушились. *Пусть горят. Пусть горят вместе с теми, кто там сидел и пытался убить наших.*

Тем временем первая БМД прижалась к дому, в котором находился КП. Мелькали фигуры: наши разведчики выскочили, прикрываясь броней, рванули на КП к подвалу. *Внутрь! Быстрее!* И вот они! Появились в дыму! Комбат! Сам! Шел, опираясь на бойца, но шел! Выносили других – на плащ-палатках, на руках. Четверо «трехсотых». И двое, бледные как смерть, но на ногах, отстреливающиеся на ходу. Их грузили – практически закидывали на броню БМД.

Жарко, тесно, страшно. «*Живы! Все живы!*» – ревело у меня внутри. Зрелище было одновременно жутким и самым прекрасным на свете: наши парни, в крови, пыли, но цепляющиеся за жизнь, за броню, за нас. «*Молодцы, Князь, Конон! Быстро!*»

Но у нас проблема. Триплексы. Смотровые блоки. Они были завалены гильзами от тридцатки. Сплошная латунная стена. Ничего не видно! Адреналин сменился холодным ужа-

сом. *Стоять – смерть. Нужно дернуть машину, чтобы гильзы скатились с брони.*

– Вулкан! Откат! Откат! – заорал я, надеясь сбросить груду гильз и освободить обзор. Грохот стрельбы заглушал все. Саня, увлеченный уничтожением еще одной точки, не слышал.

– Саня! Отходим! Сейчас же! – орал я, вцепившись ему в ногу. С третьего раза он понял.

– Откатываемся! Включаю заднюю.

Машина дергается, пятится. Разворачиваемся вслепую, под бешеным огнем, который не ослабевал. И тут – запах. Не пороха. Гарь другая. Терпкая, едкая. *Двигатель.* Взгляд на приборы – стрелка температуры ползет в красную зону! *Что?!* Мелькнуло в голове: бронебойной перебило трубку охлаждения. Антифриз хлещет на раскаленные блоки. «*Держись, мальшика! Держись ради них!*» – мысленно умолял я свою БМД. Рванул вперед, к точке сбора, откуда уходила первая машина.

Первая БМД уже выезжала на безопасный участок. Груз на броне – комок из тел, окровавленных бинтов, но... Глаза Комбата встретили мой взгляд. Усталые, запавшие, но Живые. В них читалось все: и кошмар окружения, и вера в бойцов ВДВ, и бесконечная благодарность. Он кивнул. Еле заметно. Я кивнул в ответ.

Вытащили. Всех.

Наши бойцы – разведчики моей группы, отстрелявшись, уже откатились к позициям «Штормов», как и договаривались. Мы, две БМД – одна с кипящим, плюющим паром двигателем – вырвались из ада Ольгино.

На окраине из кустов, бойцы «Шторма» махали нам, что-то кричали. Не слышно было за ревом движка и звоном в ушах, но по лицам – ликование. *Сделано!*

За лесополосой – остановка.

Глухая, оглушительная тишина после какофонии боя. Только пыхтение, шипение и треск моей БМД – она дышала, как раненый зверь. *Держись, родная, еще чуть-чуть!*

Выскочил. Первым делом – к Князю.

– Раненые?

– Двое. Пулевые. Предплечье и плечо навывлет. Триста, но живы!

Выдохнул.

Бойцы оказывали помощь раненым. Повязки, шприцы, вода.

Подошел к Комбату. Он сидел на земле, прислонившись к колесу БМД, курил. Поднял глаза. В них – бездонная усталость и вопрос. Я просто сказал:

– Всё. Дома. Все живы.

Он кивнул, закрыл глаза, откинул голову. Всё. Напряжение этих двух суток отпустило.

Я сел на броню своей, плюющей паром БМД. Провел рукой по теплomu, пыльному металлу. *«Спасибо, машинка*

моя боевая». Посмотрел на восток. Солнце, уже жаркое, беспощадное, поднималось над выжженной землей. Но сегодня оно светило иначе. Сегодня мы вырвали своих из пасти бездны. И это было главным в этот день!

Адреналин отступал, оставляя после себя пустоту и странную, щемящую дрожь во всем теле.

Моя БМД. Горелое масло. Перегретый металл. И этот проклятый сладковатый дымок антифриза, вытекающего на раскаленные блоки двигателя. Он валил из-под брони белесыми клубами, смешиваясь с пылью. Моя БМД пыхтела, шипела и потрескивала, как загнанный, издыхающий зверь. Стрелка температуры на приборке замерла в самом конце красной зоны, упершись в ограничитель. *«Держись, малышка, – мысленно умолял я. – Еще чуть-чуть».*

– Казах, нужно пересадить раненых! – крикнул боец со второй БМД. – Равномерно! Твоя машина кипит, но пять километров – протянем! Надо разгрузить Князя!

– Делайте! Быстро! – скомандовал я, отрывая взгляд от Комбата. Работа. Опять работа. Организовать пересадку четырех тяжелых раненых с одной трясущейся брони на другую, с кипящим двигателем. Аккуратно. Быстро.

За пять минут перераспределили «трехсотых» по машинам.

Завел мотор. Он схватился с первого раза, но ревел как раненый медведь, захлебываясь, плюясь густым белым паром. Датчик температуры по-прежнему показывал красную

бездну. *«Пять километров, малышка. Всего пять. Дай бог».* Я тронул. БМД дернулась, закрипела, но пошла. Каждый метр давался с боем. Мотор ревел неровно, с хрипами и пропусками. Температура не падала. Я чувствовал жар, идущий от моторного отсека через броню, сквозь сиденье.

«Не сдавайся. Ради них. Ради тех, кого везешь. Ради Комбата, который сейчас, сидит на броне Князя».

Смотрю в триплексы. Дорога плыла в мареве жары и пара. По краям мелькали знакомые развалины, наши блокпосты. Бойцы провожали нас взглядами. Кто-то махал нам. Я не махал в ответ. Руки были слипшимися от пота и грязи на штурвале. Весь фокус – на звуке мотора, на стрелке температуры, на дороге. *Только бы не стать. Только бы дотащить.*

Пять километров до Ново – Петровки моя БМД шла на пределе. Стрелка температуры замерла в красном секторе. Каждый метр казался вечностью. *Держись, малышка.* И она выдержала. Докатилась.

И вот она Ново-Петровка. Наш КП. У разрушенной школы уже стояли санитарные «уазики», сутились медики, ждали бойцы. Я подъехал последние метры, дал газу, чтобы вкатиться на ровное место перед крыльцом – и заглушил двигатель. Он захрипел, дернулся несколько раз и затих. Пар валил клубами. Тишина. Абсолютная. Только шипение и потрескивание остывающего металла. *«Спасибо, боевая. Вытянула. Доехала».*

Вылез из люка. Спина затекла, ноги были ватными. Пер-

вым делом положил ладонь на горячую, пыльную броню над мотором. «*Спасибо*», – прошептал про себя. Потом обернулся. Мимо шел Комбат. Оглянулся, поймал мой взгляд. Кивнул еще раз. Все тот же немой кивок. Но теперь в глазах была не только усталость. Было облегчение. Глубокое, как колодец с питьевой водой.

На КП нас ждали. Выгрузили раненых, передали медикам. Гордость. Дикая усталость. И главное: *ни одного «двухсотого» у нас. Комбат и все его ребята – живы. Наши двое раненых – живы. Машины целы. Своих не бросили.*

Сел на броню своей, плюющей паром БМД. Провел рукой по теплomu, пыльному металлу. Еще раз сказал – «*спасибо, машинка моя боевая*». Посмотрел на восток. Солнце, уже жаркое, беспощадное, сияло над выжженной землей.

Подошел мой командир. Его лицо было строгим, но в глазах – искра. Он подошел ко мне, твердо, по-солдатски, взял за плечо, потом пожал руку. Долго и крепко. Его голос прозвучал громко, чтобы слышали все вокруг:

– Молодцы! Операция проведена блестяще. Своих не бросили. Честь и хвала ВДВ!

Гордость. Дикая, жгучая гордость распирала грудь. Смешанная с чудовищной усталостью, которая теперь наваливалась всей тяжестью. Я не нашел слов. Просто кивнул. Коротко.

Вулкан вылезал из башни, его лицо было черным от пороховой гари, но он улыбался – редкая, счастливая улыбка.

Князь и Конон помогали медикам. Графит сидел на ступеньках, его повязка на плече уже была свежей. Парни из разведки, мои и Князя, стояли кучкой. Рядом стояли с улыбками на лице мои боевые товарищи: Ветер, Урал и Метис. Пыльные, потные, некоторые с обожженными ресницами от стрельбы, но целые. Живые.

В голове пронеслись итоги сегодняшней операции, четкие, как строчки рапорта.

Ни одного «двухсотого». Ни у нас, ни у спасенных. Чудо. Комбат и все шесть его бойцов – эвакуированы. Четверо тяжелых, двое контуженных, но живы.

Потери нашей группы: двое легкораненых. Пулевые. Живы.

Техника: Две БМД целы. Моя – «ранена», но жива. Дотянет до ремонта.

Главное: своих не бросили. Закон выполнен. Цена – высокая, но не запредельна. Искупились кровью, кипящим двигателем и этими немymi кивками спасенных.

Сел на корму своей остывающей БМД. Смотрел на закатное солнце, садившееся за развалинами Ново-Петровки. Оно окрашивало небо в багрянец. Как кровь. Как огонь. Как наша победа сегодня. Маленькая. Кровавая. Но – наша! И за нее не было стыдно. Сегодня мы были настоящими десанниками. Сегодня мы были братьями. Боевыми братьями. Сегодня мы вытащили своих из пекла. И двигатель, который

кипел, но не сдался, был таким же героем, как любой из нас.

Неделю спустя. Тыловой пункт.

Тишина. Не та, оглушающая, после боя, а другая. Тыловая. Гулкая. Наполненная скрипом кроватей, приглушенными разговорами, запахом лекарств и пыли. Я стоял у окна барака, куда нас перебросили при ротации на переформирование после Ольгино. За окном – унылый пейзаж: покореженные ангары, пара «Уралов», и вечная пыль, поднимаемая редкими машинами. Тело ныло от усталости, заживали царапины, но душа... Душа все еще была там, на той пыльной улице, в селе Ольгино, под шквалом огня, с ревом тридцатки и воем мин.

Операция «Купол» гремела по дивизии. Нас – меня, Князя, Вулкана, Графита, Ветра, Урала, Метиса и других ребят – ставили в пример. Комдив лично говорил: молодцы. Но самая главная награда была не в словах командиров. Она была в глазах Комбата, когда мы доставили его к своим. В том немом кивке. В том, что четверо его «трехсотых», как позже нам передали, выжили. Вытянули. Двое контуженных – уже на ногах. *Своих не бросили. Вытянули.*

Но война – она как маятник. Вечером мы узнали, что на другой позиции мы потеряли двух разведчиков. «*Почему здесь спасти получилось, а там – нет?*» – стучала в голове мысль. Ответа не было. Только пустота и щемящее чувство вины, знакомое каждому, кто пережил товарища.

Через несколько дней.

Вечером завывла «тревожка» полевого телефона на КП роты. Дежурный крикнул: «Казах, к аппарату! Связь с домом!» Сердце ёкнуло. *Дом.* Это слово звучало как из другого измерения. Как сказка. Подошел, взял тяжелую трубку.

– Алло? – Мой голос показался мне чужим, хриплым.

– Руслан? Это я... – Голос жены. Тонкий, дрожащий, пробивающийся сквозь помехи за тысячу километров. В нем слышались и радость, и слезы, и какая-то странная, сдавленная тревога.

– Сынок здоров... Все у нас... Ты как? Целый? – слова лились потоком.

– Целый, Анюта. Жив-здоров, – ответил я, пытаюсь вложить в голос уверенность, которой не совсем чувствовал. – Как там вы?

– Мы... мы... Руслан, ты не поверишь... – Голос ее сорвался. Задрожал сильнее. – Тридцатого... Помнишь? Тридцатого августа?

Меня будто током ударило. *Тридцатое августа.* День операции «Купол» в селе Ольгино. День, когда мы рвались в ад за Комбатом. Когда Вулкан жег саманные дома с врагами, а мой двигатель кипел. Когда мы вытаскивали спасенных на окровавленной броне.

– Помню, – выдавил я. Горло внезапно сжалось.

– Утром... Часов в десять... Я вышла во двор... К нашему

крыльцу... И, нашла... – Она замолчала, всхлипнув в трубку.

– Что нашла? – спросил я, чувствуя, как по спине пробежали мурашки. Какая-то необъяснимая тяжесть навалилась на грудь.

– Иконку... – прошептала Аня. – Маленькую... Металлическую... Георгия Победоносца... Совсем новенькую... Будто только что уронили... Или... положили...

Тишина. В трубке – только шипение помех и ее прерывистое дыхание. В ушах – нарастающий гул. *Георгий Победоносец. Тридцатое августа. Десять утра.* В голове мгновенно сложилась карта времени. В десять утра по местному времени... Мы только ждали танки. Только готовились. «Шторма» шли на позиции. А над нами уже висела «птица», и миномет бил по нам в посадке... И в этот самый момент... за тысячи километров... у моего крыльца...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.